

ИСТОРИЯ

Сергей Станиславович ПАШИН¹
Виктория Александровна ЮРШИНА²

УДК 94 (47)

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ОЛЕЛЬКОВИЧА В НОВГОРОДЕ

¹ доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории,
Тюменский государственный университет
pashin-s@yandex.ru

² аспирант, Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
18tara@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению пребывания князя Михаила Олельковича в Новгороде в 1470-1471 гг., а точнее, степени влияния, которое он оказал на последующие московско-новгородские и новгородско-литовские отношения. Данная проблема была освещена отечественными историками, однако их исследования выглядят как пространные сводные летописи с промежуточными и итоговыми комментариями. Авторы статьи полагают, что подобное мнение базируется на некритической оценке источников — русских летописей. Мы выделяем четыре варианта нарративных источников с упоминанием Михаила Олельковича: новгородский, псковский, московский и софийский. Особое внимание уделено несовпадениям информации в источниках, так как именно расхождения помогают увидеть специфику восприятия интересующих нас событий авторами источников. Новгородские летописи кратко упоминают

Цитирование: Пашин С. С. К вопросу о пребывании князя Михаила Олельковича в Новгороде / С. С. Пашин, В. А. Юршина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 105-118. DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-105-118

приезд князя Михаила Олельковича в Новгород, не давая оценки его действиям. Псковские летописцы дают детальные хронологические ориентиры пребывания князя в Новгороде и пытаются очернить его. Официальные московские летописцы считали, что Михаил Олелькович был ставленником литовского князя Казимира в Новгороде. Кроме того, датировки событий, приведенные московскими летописцами, не совпадают с датами псковичей. Литературный памятник «Словеса избранна...» в составе Софийской первой и связанных с ней летописей в основном повторяет московский вариант изложения событий, за исключением двух сюжетов. Источники не позволяют выяснить реальную роль Михаила Олельковича в событиях 1470-х гг., но очевиден факт того, что его присутствие повлияло на военный поход Ивана III на Новгород летом 1471 г.

Ключевые слова

Михаил Олелькович, Новгород, Москва, Литва, 1470-1471 гг.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-105-118

Введение

Одним из главных героев или, вернее, антигероев московско-новгородских отношений времен правления Ивана III был обрусевший православный Гедиминович и, между прочим, двоюродный брат Ивана III (по матери — дочери Василия I Анастасии) князь Михаил Олелькович (Александрович). Все основные источники о пребывании князя в Новгороде осенью 1470 — весной 1471 г. были известны отечественным историкам уже в середине XIX в. Явно не учитывая специфику используемых источников, историки обычно превращали свои нарративы в более или менее пространные сводные летописи с промежуточными и итоговыми комментариями.

В этом смысле вполне типичным является рассказ С. М. Соловьёва в знаменитой «Истории России...». В нем немало заковыченных речей и диалогов из летописей — судя по содержанию, новгородских, псковских, московских и «софийских», — однако нет ни одной сноски, так что неподготовленный читатель ни за что не догадается, на какие источники опирался С. М. Соловьёв. Согласно ученому, в ноябре 1470 г., через 2 (не 3) дня после смерти новгородского архиепископа Ионы, Михаил Олелькович прибыл в Новгород и был принят «с честью». Еще через 8 дней новым владыкой по жребию стал Феофил, который сразу же начал хлопотать о разрешении приехать в Москву. Тем временем литовский князь вступил в сговор с Борецкими; он предлагал Марфе брак с одним из литовских панов — будущим новгородским наместником [23, с. 13, 14].

Далее С. М. Соловьёв переключает внимание на неудачливого соперника Феофила, ключника покойного владыки Пимена, который при поддержке Марфы Борецкой хотел получить желанный пост из рук униата — митрополита Киевского Григория, однако его агитация вызвала в новгородцах негодование, которое вылилось в расправу над Пименом. Он был схвачен, а его имущество

разграблено. Казалось, что произошло замирение Новгорода с Москвой. Однако всё невольно испортил сам Иван III: прибывшие в Новгород псковские послы признались, что московский князь псковичей «поднимает на вас». Это способствовало активизации в Новгороде «приверженцев литовских». Итогом стало заключение договора между польским королем и «всем Великим Новгородом». Послания с уговорами митрополита Филиппа и Ивана III не принесли никаких результатов, и в мае 1471 г. великий князь начинает подготовку к походу на новгородцев [23, с. 14, 16]. Что касается Михаила Олельковича, то он, получив известие о смерти своего старшего брата, киевского князя Семена, еще 15 марта 1471 г. покинул Новгород, по пути разграбив город Русу [23, с. 14, 16, 17].

Современник С. М. Соловьёва Н. И. Костомаров писал о том, что «литовская партия отправила к Казимиру звать на кормление Михаила Олельковича как брата ревнителя православия киевского князя Семена» [5, с. 164]. Михаил и его киевские дружинники должны были убедить жителей Новгородской земли, что приверженцы православия пользуются полной свободой вероисповедания на территории Великого княжества Литовского. При таких условиях новгородское вече заключило договор с польским королем. Иван III, получив известие о поездке делегации новгородцев к Казимиру, «отправил в Новгород послов с ласковыми убеждениями», однако «послы великокняжеские возвратились со срамом». Прежние «терпение и спокойствие» московского князя стали иссякать, впрочем, он, вместе с митрополитом Филиппом, продолжил свои «увещания» [5, с. 172-177].

В разгар описанных событий Михаил Олелькович покинул Новгород. Он отбыл в Киев, в надежде занять место умершего брата. Кроме того, по словам Н. И. Костомарова, за свое недолгое пребывание Михаил не сумел расположить к себе жителей Новгорода, поскольку содержание его дружины было весьма обременительно для городского бюджета [5, с. 178-179].

Из трудов историков русской церкви следовало, что значительная часть православного населения Великого княжества Литовского, включая киевлян и, возможно, обоих братьев Олельковичей, не признавала власть униата Григория, и тот, вопреки титулу митрополита Киевского, проживал отнюдь не в днепровской столице. Около 1469 г. Григорий и вовсе отказался от униатства и последние 4 года своей жизни, вплоть до смерти в митрополичьей резиденции в Новгородке Литовском (ныне райцентр Гродненской области Новогрудок) в начале 1473 г., был православным иерархом [7, с. 26-29, 37-39]. Приведенные факты не нашли отражения в русских летописях и, к сожалению, практически не учитываются исследователями Руси времен правления Ивана III.

Советский историк К. В. Базилевич, опираясь на московские (XVI в.), псковские и софийские летописи, подобно большинству своих предшественников, связывал приезд Михаила Олельковича в Новгород с договором новгородцев и короля Казимира. Он отверг мнение польского историка Ф. Папэ о тексте договора как новгородском проекте, который не был утвержден королем. Вместе с тем историк признал, что упоминание в договоре поставленного в архиепископы 15 ноября 1470 г. Феофила может свидетельствовать в пользу гипотезы,

что приезд Михаила (8 ноября) не был результатом поездки новгородского посольства, заключившего договор с королем.

Продолжая линию Н. И. Костомарова (хотя и не упоминая этого ученого), К. В. Базилевич призывал учитывать, что православный Михаил Олелькович находился в оппозиции к правящей династии и едва ли был ставленником Казимира. Известно и «несколько попыток со стороны князей, оппозиционно настроенных к Казимиру, совершить династический переворот в пользу Олельковичей». Другое дело, что недолгое пребывание Михаила в Новгороде «совпало со временем ожесточенной внутренней борьбы между сторонниками подчинения Новгорода королю и их противниками, стоявшими за общерусское единство». Литовский князь, независимо от его личных качеств и конкретных действий, мог только усилить напряженность политической атмосферы, поскольку он был не в состоянии обеспечить серьезную защиту Новгорода от притязаний Ивана III [2, с. 92-95].

Автор фундаментального труда об образовании единого Русского государства Л. В. Черепнин был решительно не согласен с мнением К. В. Базилевича о том, что Михаила Олельковича пригласили новгородцы без оглядки на Казимира. Согласно Л. В. Черепнину, московские летописи расценивают призвание Михаила как выражение планов новгородцев выйти из подчинения Ивану III и перейти в подданство к Литве. Признав своим князем Олельковича, новгородцы согласились и на церковное подчинение Литве [24, с. 856].

Ю. Г. Алексеев в 1991 г. имел все основания написать, что фигура Михаила Олельковича оценивается историками по-разному. «Одни исследователи подчеркивают его династическую связь с Русью, другие — политические связи с Литвой». Сам историк избегает однозначных оценок. С одной стороны, он обращает внимание, что Михаил прибыл из Киева с ведома своего сюзерена Казимира. С другой стороны, приглашение князя, по мнению Ю. Г. Алексеева, было результатом временного компромисса между «литовской» и «московской» партиями. Причину отъезда Олельковича из Новгорода в марте 1471 г. ученый видит в разрыве между князем и руководством «литовской» партии. «Не исключен и третий вариант: ввиду готовящегося разрыва между Новгородом и Москвой князь Михаил не хотел принимать активного участия в войне против великого князя всея Руси». Для новгородских сторонников Казимира «Олелькович был ширмой, за которой велись переговоры о гораздо более важных вещах» [1, с. 41-52].

В постсоветский период, пожалуй, единственное основательное исследование новгородско-московских отношений времен Ивана III связано с именем Я. С. Лурье. Анализируя взгляды своих предшественников, известный отечественный летописец очень сочувственно отозвался о гипотезе Ф. Папэ — К. В. Базилевича о том, что приезд Олельковича в Новгород не был следствием договора новгородцев с Казимиром. Переговоры с королем, скорее всего, велись в апреле — мае 1471 г., т. е. уже после отъезда Олельковича. Таким образом, заключает Я. С. Лурье, Михаил был приглашен в Новгород еще при Ионе, умер-

шем 5 ноября 1470 г., и его приезд «никак не мог быть связан со спорами о поставлении нового новгородского архиепископа в Москве или в Киеве» [6, с. 125, 126, 131, 139].

Напомнив о казни Михаила Олельковича за участие в заговоре против Казимира, Я. С. Лурье настаивает: «Нет оснований утверждать также, что киевская митрополия... „признала унию“ с католической церковью, и Михаил приехал из „униатского Киева“». Поэтому приглашение Олельковича, как, впрочем, и несостоявшийся договор новгородцев с Казимиром, «не могли быть поводом к походу на Новгород... Видеть главную причину войны... в новгородской „измене“ и „латинстве“ можно, только если следовать тенденциозной и противоречивой версии московского летописания» [6, с. 139, 141, 143].

Подводя итоги беглому историографическому обзору, мы должны констатировать, что наши предшественники использовали вполне традиционные и не раз оправдывавшие себя методы источниковедческого анализа. По словам И. Н. Данилевского, «в основе традиционного, исторического построения лежит информация о событии, совпадающая в двух или более независимых друг от друга источниках. Именно такое совпадение рассматривается обычно как некоторая гарантия достоверности создаваемой историком реконструкции исторической реальности». Но часто более плодотворным оказывается несовпадающая информация в источниках, повествующих об одном и том же событии. «Объясняется это тем, что именно расхождения, индивидуальные черты повествования (при признании презумпции намеренности изменений, вносимых в текст) есть следствие, отображение специфики восприятия интересующих нас событий данным автором» [4, с. 7]. В выявлении этого уникального и попытке его объяснения мы видим главную задачу настоящей статьи.

Основная часть

Всю информацию о Михаиле Олельковиче можно разделить на четыре версии: новгородскую, псковскую, московскую и, условно говоря, софийскую.

Новгородская версия событий представлена остатками летописания последних лет существования Новгородской республики, дошедшего до нас в нескольких списках Новгородской четвертой летописи. Все сведения в них, включая самый ранний, Строевский, список (70-80-е гг. XV в.), ограничиваются буквально одним коротким предложением сразу после известия о смерти осенью (без точной даты) 1470 г. новгородского архиепископа Ионы: «Тои осени приехал в Новъгород князь Литовьский Михаило Олександровичь». Следующее известие — также без точной хронологической привязки — касается уже летнего похода 1471 г. войск Ивана III на Новгород. Куда делся князь Михайло, новгородские книжники деликатно умалчивают [8, с. 446].

Самые детальные хронологические ориентиры даны в Строевском списке Псковской третьей летописи (вторая половина XVI в.). Согласно ей, 5 ноября 1470 г. умер «архиепископ Великого Новагорода и Пскова Иона». Через 3 дня, 8 ноября, в Новгород приехал князь Михаил Олелькович Киевский «ис короле-

вы руки новгородци просен... и новгородци и приаше честно». Еще через неделю, 15 ноября, на вече из числа трех кандидатов избирался новый архиепископ. Выбор пал на протодиакона и владычного «ризника» Феофила. Его неудачливыми соперниками были также лица из ближайшего окружения прежнего владыки: духовник Варсонофий и ключник Пумин (Пимен). Последний через несколько дней, в силу неясных причин, подвергся репрессиям: он был сильно избит, а его имущество разграблено. «Тоя же осени» (4 декабря по новому стилю) умер старший брат Михаила, киевский князь Семен. Пребывание Михаила в Новгороде явно не нравилось Ивану III: тот же летописец сообщает, что в канун Рождества в Псков по поручению великого князя из Москвы приехал боярин Селиван «поднимати псковичь» на Новгород, если последний «не добьет челом» о «старинах» Ивана III [10, с. 172-173].

Прожив всю зиму в Новгороде, продолжает псковский книжник, Михаил Олелькович покинул волховскую столицу 15 марта 1471 г. В Новгороде он пробыл 4 месяца и 8 дней, «а Новугороду было истомно силно корм и вологою и великими дарми, а он еще как едя от них, и приехав в Русу оброки вся пограби силою» [10, с. 175].

Если известия Псковской третьей летописи представляют второй вариант изложения событий, связанных с пребыванием в Новгороде Олельковича, то третья, московская, версия восходит к гипотетическому своду 1479 г. Данный свод лежит в основе Московского летописного свода конца XV в. и генетически связанных с ним сводов 1497 и 1518 гг., Никаноровской, Симеоновской, Никонской, Воскресенской и некоторых других официальных московских летописей [13, с. 159, 160; 14, с. 125-132; 15, с. 225-227; 19, с. 129-131; 20, с. 122, 123]. Во всех этих летописях содержится один и тот же текст с парой хронологических ориентиров и только одним упоминанием Михаила Олельковича.

Летописное известие сводится к следующему. 8 (а не 5) ноября 1470 г. умер архиепископ Иона. Новгородцы вскоре «по старине... створиша вече», на котором по жребию из трех кандидатов был избран новый владыка Феофил. Затем из Новгорода в Москву к Ивану III был направлен посол Никита Ларионов — просить о разрешении Феофилу приехать к митрополиту Филиппу для «поставления» на архиепископскую кафедру. Все разрешения были получены, о чем вернувшийся посол и доложил новгородцам.

Однако дети покойного посадника Исака Борецкого со своей матерью Марфой и с прочими изменниками, наученные дьяволом, стали кричать на вече «нелепаа» слова: «Не хотим за великого князя Московьского... но хотим за короля Польскаго и великого князя Литовского Казимера». Из дальнейших многословных и путаных рассуждений автора свода следует, что «Исаковы дети и с прочими с их поборники» думали не об измене православной вере и переходе в «латынство», а о приглашении к себе на княжение вассала польского короля Казимира. Сторонники Литвы, если верить московскому книжнику, хотели и архиепископа поставить от «митрополита Латинина» Григория, «называющася митрополитом Руси, а ученик той Сидоров суще», т. е. последователь участника Флорентийской унии митрополита Исидора [18, с. 284-285].

Эти злодеи и противники православия отправили к королю Казимиру двух послов с просьбой поставить им архиепископа от униатского митрополита и дать князя «из своео дръжавы». Казимир «рад быв речем их» и прислал им князя. Их отступление «от христианства к Латынству» глубоко огорчило Ивана III, который, готовясь к походу на Новгород, направил послов к участникам антиновгородской коалиции. В частности, прибывший в Псков 23 мая 1471 г. великокняжеский дьяк Якушка Шабальцов якобы говорил псковичам от имени Ивана III: «Отчина моя Новгород Велики отстует от меня за короля, и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григорья Латынина суца». 6 июня 1471 г. великокняжеские полки выступили к многострадальной Русе, а 20 июня в поход из Москвы отправился и сам Иван III. Летописец вновь напоминает о главной вине новгородцев: они за двадцать лет до окончания седьмого тысячелетия захотели отступить к Латинскому королю и поставить себе архиепископа от митрополита Григория «Латынина» [18, с. 285-287].

Не касаясь здесь вопроса о правдоподобности обращения нового архиепископа Феофила к униатскому митрополиту Григорию, а не московскому — Филиппу, заметим, что московский книжник так подает информацию, что у читателя может сложиться впечатление, будто Михаил Олелькович по-прежнему находится в Новгороде.

Четвертый вариант описания событий с участием Олельковича находится в Софийской первой летописи младшего извода, а точнее, в просторном памятнике с длинным названием «Словеса избранна от святых Писаний о правде и о смиренномудрии...». Данное произведение искусственно вставлено между летописным известием о выступлении Ивана III из Москвы 20 июня 1471 г. и известием за 15 декабря того же 1471 г. о «поставлении» новгородского архиепископа Феофила [11, с. 1-15].

При изложении событий 1470 г. автор Софийской первой летописи следовал за новгородскими книжниками, поэтому после известия о смерти 5 ноября 1470 г. архиепископа Ионы читаем, что Михаил Олелькович в ту осень был в Великом Новгороде [9, с. 275].

Специально занимавшийся изучением Софийской первой летописи младшего извода М. А. Шibaев вполне аргументированно утверждает, что этот промосковский свод появился в Кирилло-Белозерском монастыре, а не в митрополичьем окружении. Самый ранний, Бальцеровский, список был создан, по-видимому, в первой половине 70-х гг. XV в. Открывающие дополнительную тетрадь списка «Словеса», судя по упоминанию в них как здравствующего умершего в 1473 г. киевского митрополита Григория, по мнению М. А. Шibaева, написаны между 1471 и 1473 гг. [25, с. 10-12, 18-20], т. е. практически «по горячим следам». От себя добавим, что белозерские монахи могли не знать подробностей происходивших в Новгороде событий и тем более деталей биографии жившего в далекой Литве митрополита Григория, поэтому предложенную М. А. Шibaевым датировку «Словес» нельзя считать окончательной.

Михаилу Олельковичу в «Словесах» уделено не много места. Читатель узнает, что заблудшие и погрязшие в измене и прочих грехах новгородцы «нашли себе Латыньского государя, а преже того и князя себе у него же взяша в великий Новьград». Затем выясняется, что самый главный антигерой «Словес», знаменитая Марфа Борецкая, в которую, разумеется, вселился дьявол, сговорила с «Литовским князем с Михаилом, да по его слову хотячи пойти за муж за Литовского же пана за королева, а мыслячи привести его к собе в Великий Новьград да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею» [11, с. 5].

Далее автор «Словес» словно забыл о существовании Олельковича и всё свое внимание сосредоточил на Марфе: оказывается, она очень хотела сделать архиепископом ключника покойного Ионы Пимена, а тот, в свою очередь, был готов стать архиереем с санкции богоотступника Григория, «еже ныне в Кieve зовется митрополитом». Марфа и Пимен начали активно вербовать себе в Новгороде сторонников и не собирались прислушиваться к увещаниям нового владыки Феофила. Не помогло и направленное против «латыньской прелести» и адресованное новгородцам послание митрополита Филиппа. Иван III, узнав, что новгородцы отступают от православия к королю Казимиру, вынужден был приступить к сбору войска для похода на Новгород [11, с. 5-8]. Далее в «Словесах» описывается сам поход, поражение новгородцев в битве на реке Шелони 14 июля 1471 г. и прочие печальные для новгородцев события лета–осени 1471 г. Завершаются «Словеса» двукратным упоминанием, что всё это зло случилось «за их отступление к Латыньству» [11, с. 15]. При этом памятник не давал даже уклончивого ответа, когда и куда делся Михаил Олелькович и так ли уж нуждался в поддержке православия извне — тем более военной — новоизбранный архиепископ Феофил.

Вся имеющаяся в «Словесах» информация об Олельковиче с минимумом изменений повторяется в источниках XVI в.: Софийской второй летописи [12, стб. 170, 171, 183-188], Софийской первой летописи по списку И. Н. Царского [21, с. 148-152], а также в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского [22, с. 188-192], поздней Львовской летописи [16, с. 282-287] и Степенной книге [17, с. 531-535]. Из всех русских летописцев только автору доведенной до 1518 г. Софийской второй летописи известно о печальной судьбе князя Михаила, да и то сомнительно, что он осознавал, что проживший в Новгороде в ноябре 1470 — марте 1471 г. Олелькович и казненный по приказу польского короля в 1481 г. Оленкович — это одно лицо: «Восхотеша вотчичи Олшанской да Оленкович, да князь Федор Бельской по Березыню реку отсести на великого князи Литовской земли. Един же их обговори. Король же Олшаньского стял да и Оленковича» [12, стб. 312-313].

Выводы

Подведем итоги. Начнем с двух наблюдений, которые явно противоречат декларированным в статье принципам. Укажем на то, что объединяет, а не отличает различных летописцев. Во-первых, все они, независимо от места и времени

проживания, не владели или не хотели делиться с читателями всесторонней и объективной информацией. Например, никто из русских летописцев не знал о близком родстве Михаила Олельковича с Иваном III, его участии в антиправительственном и антикатолическом заговоре и казни по приказу польского короля. Во-вторых, всех без исключения летописцев трудно назвать беспристрастными информаторами. Все они преследовали те или иные цели, и в соответствии с ними интерпретировали факты.

Новгородские книжники были современниками описываемых событий. Не желая рассказывать о деятельности Михаила Олельковича, они ограничились упоминанием о том, что князь всё же приезжал в Новгород.

Псковский летописец смущает своим поздним появлением, восхищает своей информированностью — впрочем, вполне объяснимой для соседей новгородцев — и удивляет неуклюжестью попыток обелить действия Ивана III и, напротив, очернить поступки Михаила Олельковича. В рассказе Псковской третьей летописи нет даже намека на конфессиональное противостояние. Ключник Пимен подвергся репрессиям по неизвестным причинам и в любом случае исчез с политической арены в ноябре–декабре 1470 г. Уже в декабре того же года Иван III интриговал против литовского князя. Возможно, именно под давлением Ивана III новгородцы постарались — кажется, не слишком деликатно — выпроводить Олельковича. Март — не самый удобный месяц для путешествия из Новгорода в Киев при отсутствии нормальных коммуникаций. Подобное путешествие в XV в., особенно если речь идет о нескольких десятках всадников, требовало не только много времени, но и немалых материальных затрат. Новгородцы, по-видимому, не снабдили Михаила и его дружину деньгами и провизией, и киевлянам не оставалось ничего другого, как обобрать жителей Русы (ныне — Старой Руссы) — единственного города Новгородской земли на пути к Киеву. Странно для псковского летописца сочувствовать новгородцам в том, что содержание дружины Олельковича стоило немалых издержек: размеры и способы обеспечения княжеских слуг в Новгороде обычно заранее определялись соответствующим договором.

Московский летописец намеренно запутал хронологию событий, чтобы ввести читателей в заблуждение. По прочтении искусно составленного текста, в котором мало откровенной лжи, может сложиться впечатление, что безымянный вечный кандидат в архиепископы (помимо Феофила) вот-вот будет поставлен митрополитом-униатом, а Михаил Олелькович в качестве ставленника короля-католика не покинул Новгород даже в мае 1471 г., когда Иван III уже готовился к походу. Московский летописец оправдывает поход Ивана III, считая завоевание Новгорода наказанием Божьим за измену новгородцев православной вере, а великого московского князя — орудием в руках Господа. Иван III — не завоеватель, а спаситель новгородцев от несправедливой веры, защитник веры истинной.

Автор «Словес» в составе Софийской первой летописи, если не считать двух второстепенных сюжетов — имени кандидата на архиепископскую кафедру, готового признать митрополита-униата, и неправдоподобных матримониальных

планов престарелой Марфы Борецкой, — по сути дела, придерживается московской версии. Не исключено, что московский и белозерский летописцы имели один и тот же источник информации.

Анализ всех источников о пребывании Михаила Олельковича в Новгороде заставляет прийти к неутешительным выводам. Имеющаяся в нашем распоряжении информация не позволяет дать сколько-нибудь определенную оценку политики Михаила Олельковича за 4 месяца его пребывания в Новгороде: стремился ли он к сближению Новгорода с Литвой или старался балансировать между Москвой и Вильно. Для нас очевидно, что сам факт присутствия литовского князя в волховской столице ускорил неизбежные военные приготовления Ивана III против Новгородской республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: закат боярской республики в Новгороде / Ю. Г. Алексеев. Л.: Лениздат, 1991. 160 с.
2. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века / К. В. Базилевич. М.: Изд-во МГУ, 1952. 543 с.
3. ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
4. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.): курс лекций / И. Н. Данилевский. М.: Аспект-Пресс, 2001. 389 с.
5. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. СПб.: В типографии К. Вульфа, 1868. Том 7. 419 с.
6. Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства / Я. С. Лурье. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.
7. Макарий. История русской церкви / Макарий. СПб.: Типография Р. Голике, 1879. Том 9. Кн. 4. История Западнорусской, или Литовской, митрополии. 689 с.
8. ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Том 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 321-536.
9. ПСРЛ. СПб.: Типография Э. Праца, 1851. Том 5. Псковские и софийские летописи. 277 с.
10. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Том 5. Вып. 2. Псковские летописи. 368 с.
11. ПСРЛ. СПб.: Типография Э. Праца, 1853. Том 6. Софийские летописи. 360 с.
12. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2001. Том 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. 240 с.
13. ПСРЛ. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. Том 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. 302 с.
14. ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Том 11-12. Патриаршая, или Никоновская летопись. 266 с.
15. ПСРЛ. М.: Знак, 2007. Том 18. Симеоновская летопись. 328 с.
16. ПСРЛ. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. Том 20. Львовская летопись. Первая половина. Ч. 1. 418 с.

17. ПСРЛ. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. Том 21. Вторая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. С. 343-708.
18. ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Том 25. Московский летописный свод конца XV века. 464 с.
19. ПСРЛ. М.: Языки славянских культур, 2007. Том 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. 436 с.
20. ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Том 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). 412 с.
21. ПСРЛ. М.: Наука, 1994. Том 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. 208 с.
22. ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2004. Том 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. 368 с.
23. Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. / С. М. Соловьёв. М.: Мысль, 1989. Кн. 3. Том 5-6. История России с древнейших времен. 783 с.
24. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л. В. Черепнин. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1960. 900 с.
25. Шибаев М. А. Софийская 1 летопись Младшей редакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Шибаев. СПб.: [Б. и.], 2000. 21 с.

Sergey S. PASHIN¹

Victoria A. YURSHINA²

UDC 94 (47)

TO THE QUESTION OF THE STAY OF PRINCE MIKHAIL OLEKOVICH IN NOVGOROD

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of Homeland History,
University of Tyumen
pashin-s@yandex.ru

² Postgraduate Student, Institute of Social Sciences
and Humanities, University of Tyumen
18tara@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the stay of Prince Mikhail Olekovich in Novgorod in 1470-1471 or rather, the degree of influence that he exerted on subsequent Moscow-Novgorod and Novgorod-Lithuanian relations. This problem was highlighted by Russian historians, however, their research looks like lengthy summary chronicles with intermediate and final comments. The authors of the article believe that such an opinion is based on an uncritical assessment of sources – Russian chronicles. We distinguish four versions of narrative sources with the mention of Mikhail Olekovich: Novgorod, Pskov, Moscow and Sofia. Particular attention is paid to discrepancies in information in the sources, since it is precisely the discrepancies that help to see the specifics of perception of the events of interest to us by the authors of the sources. The Novgorod annals briefly mention the arrival of Prince Mikhail Olekovich in Novgorod, without giving an assessment of his actions. The Pskov chroniclers gave detailed chronological guidelines for the prince's stay in Novgorod and attempted to denigrate him. Official Moscow chroniclers believed that Mikhail Olekovich was a protege of the Lithuanian prince Casimir in Novgorod. In addition, the dating of events given by Moscow chroniclers does not coincide with the dates of the Pskovites. The literary monument “Slovesa Isbran-

Citation: Pashin S. S., Yurshina V. A. 2020. “To the Question of the Stay of Prince Mikhail Olekovich in Novgorod”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 1 (21), pp. 105-118.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-105-118

nija...” as part of the Sofia First and related annals basically repeats the Moscow version of the presentation of events, with the exception of two plots. Sources do not allow clarifying the real role of Mikhail Olelkovich in the events of the 1470s, but the fact that his presence influenced the military campaign of Ivan III to Novgorod in the summer of 1471 is obvious.

Keywords

Mikhail Olelkovich, Novgorod, Moscow, Lithuania, 1470-1471.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-105-118

REFERENCES

1. Alekseev Yu. G. 1991. “We want to see Moscow”: The sunset of the Boyar Republic in Novgorod. Leningrad: Lenizdat. pp. 160. [In Russian]
2. Bazilevich K. V. 1952. Foreign policy of the Russian centralized state. The second half of the XV century. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 543 pp. [In Russian]
3. Valk S. N. (ed.). 1949. The diplomas of Great Novgorod and Pskov. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 408 pp. [In Russian]
4. Danilevsky I. N. 2001. Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (XII–XIV centuries): Course of lectures. Moscow: Aspect-Press. 389 pp. [In Russian]
5. Kostomarov N. I. 1868. Historical monographs and research. St Petersburg: V tipografii K. Vulfa, vol. 7, 419 pp. [In Russian]
6. Lure Ya. S. 1994. Two stories of 15th-century Russia: Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Moscow State. St Petersburg: Dmitrii Bulanin. 238 pp. [In Russian]
7. Macarius. 1879. History of the Russian Church. SPb. : Printing house R. Golike, vol. 9, book. 4. History of the West Russian or Lithuanian metropolis. 689 pp. [In Russian]
8. PSRL. 1925. Novgorodskaya chetvertaya letopis. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, vol. 4, part 1, pp. 321-536. [In Russian]
9. PSRL. 1851. Pskov and Sofia chronicles. SPb.: In the printing house of E. Praz, vol. 5, 277 pp. [In Russian]
10. PSRL. 2000. Pskov annals. M.: Languages of Russian Culture, vol. 5, i. 2, 368 pp. [In Russian]
11. PSRL. 1853. Sofiiskie letopisi. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, vol. 6, 360 pp. [In Russian]
12. PSRL. 2001. Sofiiskaya vtoraya letopis. Moscow: Yazyki russkoi kultury, vol. 6, i. 2, 240 pp. [In Russian]
13. PSRL. 1859. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, vol. 8, 302 pp. [In Russian]
14. PSRL. 1965. Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis. Moscow: Nauka, vol. 11–12, 266 pp. [In Russian]
15. PSRL. 2007. Simeonovskaya letopis. Moscow: Znak, vol. 18, 328 pp. [In Russian]

16. PSRL. 1910. Lvovskaya letopis. Pervaya polovina. St Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, vol. 20, part 1, 418 pp. [In Russian]
17. PSRL. 1913. Kniga Steppennaya tsarskogo rodosloviya. St Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, vol. 21, part 2, pp. 343-708. [In Russian]
18. PSRL. 1949. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka. Moscow. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, vol. 25, 464 pp. [In Russian]
19. PSRL. 2007. Nikanorovskaya letopis. Sokrashchennye letopisnye svody kontsa XV veka. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, vol. 27, 436 pp. [In Russian]
20. PSRL. 1963. Letopisnyi svod 1497. Letopisnyi svod 1518. Uvarovskaya letopis. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, vol. 28, 208 pp. [In Russian]
21. PSRL. 1994. Sofiiskaya pervaya letopis po spisku I. N. Tsarskogo. Moscow: Nauka, vol. 39, 208 pp. [In Russian]
22. PSRL. 2004. Novgorodskaya letopis po spisku P. P. Dubrovskogo. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, vol. 43, 368 pp. [In Russian]
23. Solovev S. M. 1989. Sochineniya: Vols 18. Moscow: Mysl. Book 3, vol. 5–6. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen, 783 pp. [In Russian]
24. Cherepnin L. V. 1960. The formation of the Russian centralized state in the 14–15th centuries. Essays of the socio-economic and political history of Rus. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoi literatury. 900 pp. [In Russian]
25. Shibaev M. A. 2000. The Sofia's 1 Chronicle of the Younger Edition: avtoref. dis. Cand. Sci. (Hist.). St. Petersburg. 21 pp. [In Russian]